

Часть VII Киев в 1921-1941 годах

Отрезвевши от эфирной революции всемирной, новоидеологи реставрировали с толком всероссийские осколки, словно археологи.

С москвичами в кулуарах харьковские комиссары, по ЦэКа желанию, ствол эСэСэСЭР создали и Украину вписали в общую *компанию*.

Латыши, поляки, финны будущее Украины мрачное предвидели и, отказом от участия зреть социализма счастье, Ленина обидели.

Шквал России катаклизма базу для социализма смял деградировано: что от злости троглодита избежало динамита, было разворовано.

Без пропавшей деталюхи весь завод стоит в разрухе от ума вандалского. Собственности обобщенье побуждало к расхищенью барахла хозяйского.

За пайки и за купоны над станками гегемоны без усердия горбились. Чтоб поправить быт немножко, принялись сажать картошку, в кустари оформились.

Под рабочим руководством эффективность производства к мизеру приблизилась. От разрухи и разбродов мощность киевских заводов в десять раз понизилась.

Коммунисты увлеченно на селе в составе ЧОНа делали ревизию, по законам не тоскуя, безвозмездно конфискуя у крестьян провизию.

Антирыночной оградой ставили загранотряды на подъездах к городу. Продразверсточной хворобой украинских хлеборобов довели до голода.

Паразитствующим лицам предписали потрудиться по тюремным правилам – группы чуждых элементов и гнилых интеллигентов в Соловки отправили.

Уплотнив остатки “гнили”,
во дворцы переселили
семьи пролетарские,
превратившие с домкомом
буржуазные хоромы
в таборы цыганские.

На кресты и на иконы
навалились гегемоны
под предлогом голода,
для валюты полноправной
лишь в одной Печерской лавре
взяв два пуда золота.

Церковь наказав сурово,
политграмоты основы
расписали скатертью,
заменяя культпросветом
христианские заветы,
вложенные матерью.

Зазубривши “аз” и “буки”,
на дедов строчили внуки
рапорта доносовы
по иконному примеру
лжесвятого пионера
Павлика Морозова.

Активисты, как с амвона,
о диктате гегемона
пели околесицу,
в серп и молот крест согнули,
пост голодный растянули
на двенадцать месяцев.

В нищете унылой жизни
в пролетарском коммунизме,
по необходимости,
Ленин, вытеснивший Бога,
продразверстку продналогом
заменял из милости.

Уяснил у гроба гений,
как непросто жить без денег
лишь одной накачкой:
лучше НЭП ввести в натуре,
чем питаться диктатуре
с грабежей подачками.

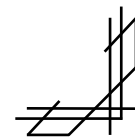
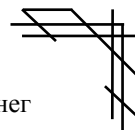
Засветился ярким солнцем
твердым золотым червонцем
рубль обеспеченный
и серебряный полтинник
засиял, как именинник,
ценностью отмеченный.

Частник и кооператор,
собственник и арендатор,
словно выйдя из лесу,
россыпь золотых конкреций
скрыв в тени от фининспекций,
приступили к бизнесу.

Фабрики и мастерские,
основные городские
выполняя функции,
конкурентно ль, монопольно,
подконтрольно ли, подпольно –
делали продукцию.

Собственной земли властитель,
полноправный сельский житель
свой надел вымачивал:
продолжая горбить спину,
фрукты, овощи, скотину
и зерно выращивал.

Реализовать излишки
брались мелкие людишки
уголовных гетманов.
Спекуляция в торговле
расплодила поголовье
жуликов и нэпманов.

Магазины и базары
переполнили товары,
многими забытые.
Пухли склады на Подоле,
ширпотребом и едою
доверху забытые.

Беспризорность отцветала
и о нищих легче стало
партии заботиться:
хозрасчетные прилавки,
тресты, управленья, главки
скрыли безработицу.

В городе, где жизнь вязалась,
очень много оказалось
с новой властью дружащих.
Бюрократство нормой стало
и безмерно разбухало
полчище совслужащих.

Комячеек генеральство
вылезло в совпартначальство
бывшими заслугами,
постепенно, год от года,
ограждаясь от народа
вохрою и слугами.

Партократы голословно
признавали безусловно
коммунизм в теории,
идеал его внушая
массам, рябчиков вкушая
в спецпартсанатории.

Линией генеральной
комунізм національний
харьковские лидеры –
Гринько, Чубарь, Шумский,
Скрипник –
как маховика подшипник
партразвитья видели.

Темноту ликбезом били.
Точками над “i” рябили
вывески с рекламами.
Кто в ЦэКа по-русски “акал”,
украинской забалакал
со своими замами.

Чтоб с Москвой закрасить сходство,
вели делопроизводство
украинской *мовою*.
Поощрялось обученье
коренного населения
украинской школою.

Пересматривать рутины
“*справ*” архивов Украины,
словно в эпидемию
в диагностике раскрывшись,
стал Грушевский, возвратившись
в Киев в Академию.

Биосферу вскрыл Вернадский,
а Патон сшивал заправски
сварочные стежечки.
Первый планер для потехи
смастерил свой в Политехе
Королев Сережечка.

“Пролеткульт”, “*Плуг*”, “*Гарт*”
с “Ваплитом”
просвещали неофитов
мыслью политической.
Рыльский, Панч, Бажан, Яновский
лили не вполне московский
дождик поэтический.

Мещанин чурался книжки,
где Вишневы “*Усмішки*”
драли смехофырканьем.
А Тычина и Сосюра
потрясли литературу
тракторным дыр-дырканьем.

Кулиша “Мазайло Міна”
в “Березіле” отвратила
к Курбасу чиновников.
И “Етюди” Хвylieвого
возмутили до основы
красных уголовников.

Кинофабричные сценки
целлулоидом Довженко
отзывались бурями.
На “Земле” и в “Арсенале”
Украины коммунары
падали под пулями.

Возрождалась Украина!
Но не ладилась машина
тяжелой индустрии.
На Кузбассы и Магнитки
испарялись все кредитки,
как снежинки шустрые.

Днепростроевы издержки
не тянули без поддержки
пшеничного колоса.
Пятилетке не хватало
внутреннего капитала
стянутого пояса.

И тогда товарищ Сталин
разворотный знак поставил
для частного сектора,
разорительным налогом
плотно обложив берлогу
кулака и нэпмана.

Осветил партийным словом
экономики основы
заряницей утренней.
Ввел на практике теорью
монополии торговли
внешней вместе с внутренней.

Вспомнил вождь пролетарьята,
как роскошно и богато
жили сливки нации
в пору крепостного права,
и стянул удавку плана
коллективизации.

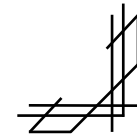
ГэПэУшным хлестким лассо
кончил с кулаком как с классом
в собственной империи,
миллион селян заможных
выслав комаров таежных
подкормить на Севере.

Гольгтыбу согнав в колхозы
страхом высылки угрозой
из родного гнездышка,
продовольствия запасы
выгреб у крестьянской массы
до ржаного зернышка.

Ощутила в пищеводе,
как пекутся о народе
коммунисты чуткие
“пролетарская опора”,
пережив голодомора
дни и ночи жуткие.

До рождественской метели
лебеду с крапивой ели
в буряковом сахаре,
а в заснеженном январе
лишь кору с деревьев драли
скотоводопахари.

Не роптали киевляне,
что кормильцы их – крестьяне,
без кровопролития,
без заупокойной тризны
миллионами из жизни
перешли в небытие.

Не деясь с оравой нищей
отфондированной пищей
на пайковом пастбище,
православный город древний
смычку укреплял с деревней
лишь на братском кладбище.

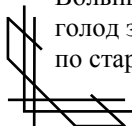
В отработку хлебной пайки
туго закрутили гайки
трудоого бдения
в производственной реформе –
за невыполнение нормы
шили преступление!

Норма и ее оплата
вычислялись аппаратом,
вышколенным чисткою.
Кем и где кому трудиться
высшие решали лица
паспортной пропискою.

Регулярно к той нормали
по проценту прибавляли
хозруководители.
За аварии, простои
каждый мог быть удостоен
титула “вредителя”.

Работяги без халтуры,
позабывши о прогулах,
пьянках, опозданиях,
от сирены до отбоя
гнали восьмичасовое
сменное задание.

Так наладилась работа
фабрик выжиманья пота
из раба машинного.
Вольных граждан вереницу
голод заставлял трудиться
по старорежимному.

Но не хлынул Ниагарой
водопад из промтоваров
в русло деревенщины.
Все, что в промфинплан включалось,
в основном предназначалось
для Наркомвоенщины.

Потому что белофины,
самураи и румыны,
словно волки серые,
на Советы зло держали
и границу угрожали
смять эСэСэСэРову.

Чтобы отстоять границы,
пушки, танки и эсминцы
в пятилетку Сталина
против замыслов фашизма
инженеры коммунизма
на поток поставили.

Труд тот на границе стресса
в “Правде” воспевала пресса.
Заводских ударников,
взявших трудовым стараньем
флаги в соцсоревнованье,
мазали нектарником.

За битье рекордных планов
избранные, как Стаханов,
отмечались орденом,
и в президиумах съездов
забронированным местом,
и квартирным ордером.

В гуще митингов и съездов
под овации с оркестром
воспевались арии,
где Вождь, Гений и Учитель
представал как небожитель
(по его сценарию).

Харькову-индустриалу
к новому репертуару
партией премьеровой
довелось все ж поступиться –
Киев снова стал столицей
УэСэСээРовой.

Символом партийной мощи
спроектировали площадь
соцреальным вымером
там, где в византийском стиле
Русь святую возводили
Ярослав с Владимиром.

Крест Михайловского храма
не вписался в панораму
площади правительства.
И тогда на месте храма
кабинетным комиссарам
дали вид на жительство.

Всем монахам под расписку
предложил сменить прописку
коммунистов грозный шеф.
По примеру феодалов
в монастырь ввели вандалов
Косиор и Постышев.

Праведники с фресок рая,
на безбожников взирая
вниз с улыбкой тонкою,
среди бела дня открыто
от заряда динамита
рушились щебенкою.

Мозаичные святые,
пережившие Батяга,
гнет дождя и холода,
по ЦэКа благословенью
отдались непротивленью
злу серпа и молота.

Кое-кто из них в печали
оказались москвичами
после депортации.
(Уцелевшие святыни
не возвращены поныне
украинской нации.)

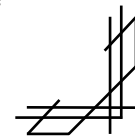
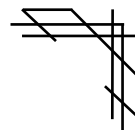
Ни татары, ни поляки,
ни германские вояки,
к Украине сластные,
столько храмов не взорвали,
сколько их с землей сровняли
атеисты красные.

Даже кладбище разрыли
у Аскольдовой могилы
для почетной публики,
чтоб буржуйские останки
испарились без остатка
в памяти Республики.

Дабы с прошлым подытожить,
нужно было уничтожить
миллион свидетелей
разростания России
при царе с буржуазией
в пышное соцветие.

Петерс, Ягода с Ежовым,
огорода ухажеры,
сорняки, что выжили
на земле коммуны грешной,
тяпкою эНКаВэДэшной
на корню смотыжили.

Вид прополки сатанинский
предложил юрист Вышинский:
кто под пыткой в бредень
тройке на судебной сцене
сознавался сам в измене,
исчезал в неведенье.

Тысячи гнилых троцкистов,
лево-, правоуклонистов,
от дворянства семечки,
в черные попавши списки,
“десять лет без переписки”
получали в темечки.

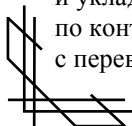
В УэСэСээР столице
благородные девицы
сторонились здания,
где когда-то к свадьбе зрели,
а теперь спецы корпели
шпионаждознания.

Балицкого нюх чекистский
сговор националистский
бдительно разведывал.
Бывший наркомнац, как филин
мудрый Сосо Джугашвили,
“ни о чем не ведал”.

Головы Кремля вассалов,
Украины комиссаров,
покатились кубарем.
В безымянную могилу
сгинул Косиор с Якиром,
Коцюбинский с Чубарем...

В Быковне лесной, в подвалах
коммунизма генералы
с рядовыми партии,
прославляя имя “Сталин”,
Божьему суду предстали
в умственной апатии.

Вражьих государств десанты
из шпионов-диверсантов
брались в заключение
и укладывались в ямы
по контрольным цифрам планов
с перевыполнением.

Завела учет судимым,
дебет с кредитом сводимый,
жизней бухгалтерия.
Шефом замысла большого,
вместо мясника Ежова,
стал Лаврентий Берия.

Из Москвы, с Днепра, Анапы
потянулись спецэтапы
тайной экзекуции.
В Воркуте и Магадане
зэки пункты утверждали
новой конституции.

Мэрия архипелага,
нареченного ГУЛАГом,
по ее прочтению,
тысячам врагов народа
предоставила свободу
тундры освоения.

Чтоб за порцию баланды,
в лапах уголовной банды,
с тачкою в товарищах,
те смогли б рудой и лесом
завалить кремлевских бесов,
на Европу зарящих.

Жизнь, здоровье, силы зэки
трансформировали в реки
сырьевой продукции.
Умный мозг в “шарагах” даже
проектировал под стражей
сложные конструкции.

За бесплатную рабсилу
пятилетку огласили
как индустриальную.
От заснеженного царства
получало государство
выгоду реальную.

К сталинизма преступленью
проявляло население
безучастность зрителей.
Лик Генсека обожая,
бабы новых нарожали
общества строителей.

Комсомол с ажиотажем
увлекался пилотажем,
шефством над линкорами,
ГэТэОшными значками,
парашютными прыжками,
воинскими сборами.

И во всем царил порядок!
Как на праздничных парадах
войска королевского,
молодежь вперед шагала
и с восторгом распевала
марши Дунаевского.

Широка страна родная!
От Москвы и до окраин
лишь на вздохи вольная
чернь, в энтузиазмных столах,
светлый путь нашла в колоннах,
власти подконвойная.

Пастухам, свиаркам робким
хлебомязогаготовки
сунули, как в горло кость –
на прокорм рабочей силы
и конвойного верзилы
отдавали молодость.

По ночам им часто снилась
Золушка, что вдруг добилась
для себя судьбы иной.
С простыней о счастье скором
пели им Орлова с хором,
Столяров с Ладыниной.

В эМТээСах трактористам
пел Крючков про трех танкистов,
ассовских водителей.
Ждали, что пора настанет –
их пошлет товарищ Сталин
в бой освободительный!

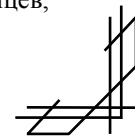
Просоветскую Европу
Сталин видел из окопа:
в шизикофеерии
вздумал пушкой, самолетом,
бронетанковым налетом
расширять империю.

Ставя крест на Брест с Версалем,
тайный сговор подписали
Риббентроп и Молотов,
Львов, Волынь и Буковину
выторговав Украине
под серпом и молотом.

Поначалу *западинці*
к Киеву из заграницы
ринулись в объятия:
слиться с *ненькой* Украиной
грезили в семье единой
с нации зачатия.

Наяву же очень быстро
распознали коммунистов
принципы садистские
и в конвойных спецэтапах
поменяли жизнь в Карпатах
на снега сибирские.

С гор трубил трембиты голос.
Но ОУН вдруг раскололась
на Бандеру с Мельником.
Первый звал на бой туземцев,
уповал второй на немцев
от борьбы отшельником.

Все же к лету в сорок первом
подготовили резервы
провидів проверенных –
сводным братьям опостылым
мстить за братские могилы
земляков расстрелянных.

Сталин, прикрываясь пактом,
Красной армии с Вермахтом
встречу гарантировал:
на разгром коварных фрицев
к новой западной границе
встык продефилировал.

Верил закорючке голой
под секретным протоколом
вождь коммунистический,
игнорируя доносы
о каком-то “Барбаросса”
плане фантастическом.

